

Октябрь, 2021 – Май, 2022

БОЛЬШОЙ ОСЕННИЙ БЛЮЗ.

(две части с голосом, короткий проигрыш-вступление и длинный между частями)

Джаз в городе. Меланхолический оклик. В начале
гитарой, бонго, контрабасом гудит ритм-группа.
За ней, в сто октав, бесконечное соло рояля.
И вот низкий голос вступает устало и грубо.

1. *Ленивым потоком огромная ночь
смывает с асфальта фигурки людей.
Выносит весь мусор из города прочь.
Гидрантов культи, поплавки фонарей,*

*бурлящий из дырок земли мутный пар,
квадратики света на стенах домов,
пожухшие листья, их мёртвый пожар,
куски рельс трамвайных и арки мостов,*

*баржи на реке деревянный замок
со вставленным ключиком толстой трубы -
выносит в белесое море поток
ещё один день, будто сор из избы.*

Без слов. Ожидание-проигрыш. Между частями
ударные время тревог отмеряют. Сто двадцать
секунд. - Возвратится ли голос? - А перед глазами
озвученные миражи продолжают сменяться.

Громады из стёкол и стали сгрудились вокруг.
На улицах гулких, забрызганных мёртвым огнём,
в кривых переулках мелодии плещутся. Звук
шести инструментов растёт, набирает объём,

выталкивает, выгибает сгустившийся воздух.

Надолго неясные оттиски в нём оставляя,
уходит в затянутый тучами купол беззвёздный,
меняется новым и медленно там исчезает.

Грохочет крыш чёрных и улочек серых рояль.
В четыре руки ливень с ветром часами подряд
беснуются напропалую по клавишам. Жаль,
никто их не слышит. Все жители в городе спят.

Во тьме, спят по горло закутанные в одеяла,
как в коконах гусеницы-великаны. Снаружи
к ним в головы музыка не проникает. Там вяло
текущие, блёклые сны по извилинам кружат.

Не знаю, кто выпорхнет утром из коконов этих,
но точно не бабочки. Жизнь здесь быстрее по ночам,
они от нею отстают. Только лишь на рассвете
вернётся к ним слух, когда блюзы давно отзвучат.

А я наяву, малохольный, сквозь ливень и ветер
верчусь по кривым переулкам чайной в стакане
вокруг пустоты на разбитом своём драндулете
с душой нараспашку, и взгляд застилают мельканья.

В стекле серпантинном струится асфальтовый блеск,
павлиньи косицы дождя. Растворяются в них
цветные кружки светофоров, морщинистый плеск
бензиновых лужиц, разбросанных на мостовых.

Застыл драндулет мой у церкви. И со стороны,
облепленный листьями, кажется он чем-то вроде
поваленной тумбы с афишами клубов ночных.

Глаза поднимаются вверх по стене и находят:

взъерошенный ангел из местных легенд, ставший былью,
над месивом бликов и блюзов, забыв о делах,
сидит на карнизе. Торчат его мокрые крылья.
Он слушает. Слушает, как музыканты впотьмах

блуждают, касаясь дыханьями, как отрешённо
рыдает четвёркой натянутых слёз бас-гитара,
осеннею слякотью вторит ей плач саксофона,
тромбон, обезумев от криков, ведёт сквозь удары

глухих барабанов всех вместе. И, словно в ответ
на жалобы их, гаммой синих домов в соль-мажор
из хляби разверзшейся всплыл городской силуэт,
цепочки неоновых строчек, дрожащий узор.

Прозрачные лодки щетинятся вёслами. Там
уже отзвучавшего хлам, затвердевшая горечь
ненужным балластом катается по сторонам.
А блюз, будто бриз, их уносит к белесому морю...

Мелькают просветы в ритмической ткани повторов.

Она очень скоро порвётся. Раскроется полость
глухой тишины. То пустое пространство, в котором
ответом на оклик вернётся охрипший мой голос.

2.1 *Но раньше вступление к части второй.*

*В её интонации отзвук смиренья,
у всех инструментов сменился настрой.
Сквозь блюз о несбывшемся - тихое пенье.*

*Я вылез под дождь из машины. Метались
обрывки старинных мелодий повсюду.*

*Баякали, плотно меня оплетали,
чтоб, не отвлекаясь, готовился к чуду.*

*Сгущается ночь. Синий город и блюз
как две ипостаси её. Благодать
беспомощно-люющей музыка. Груз
спадает с души, стало легче дышать.*

*И голос, взлетев на короткое время
над крышами, делает мёртвую петлю.
отвесно пикирует мне прямо в темя,
хрипит изнутри, вновь вступает, помедлив.*

2.2 У церкви Святого Петра шпиль разбух.

*Размок, полинял золотой его шёлк.
Проснулся над городом спящих петух
на шпиле. Он крикнул три раза и смолк.*

*Вдруг стало светлей. Это ангел, слегка
раздвинул свинцовую занавесь туч
и к морю взметнулся. В окне маяка
зажётся широкий прожекторный луч.*

*Лицо его выхватив, сразу погас.
Внизу расставались и по одному
вперёд выходили, впадали в экстаз,
солировали, исчезали во тьму.*

*Ночь явок с повинной, где без состраданья
к себе, но при этом и без снисхожденья,
все шесть инструментов свои показанья
давали друг другу, просили прощенья.*

*Потом небо начало мелко трястись.
Творилось чудное в нём: по вертикали
дожди возносились в горящую высь,
созвездья крошились, дома засыпали.*

*Свернувшийся млечный их путь, словно жгут,
завис надо мной. Я летел в круговерти
бенгальских огней, погружаясь в салют,
счастливый, измученный до полусмерти.*

*Но небо трясенье продлилось всего
минуту. Дожди возвратились к земле.
Закончилось огненное торжество.
Лишь ветер хрипит и плюётся во мгле.*

*Земля угрожающе вбок наклонилась,
а я, растопырив ладони, с трудом
пытаюсь хранить равновесье. И гнилость,
щемящая гнилость, мерцает кругом.*

*Ледяная вода заползает за ворот.
Катком наезжает на душу тоска.*

*Всё сплющив внутри, превращается в шорох,
в сплошной выскерк, в боль от виска до виска.*

*Нет музыки здесь, моя песенка спета.
Растут два свеченья и грохот за ливнем.
Я в сердце своём уже знаю, что это
судьба надвигается, выставив бивни.*